

„Не успѣла на его глазахъ совершиться одна тайна смерти, оставшаяся неразгаданной, какъ возникла другая—столь же неразгаданная—рожденіе ребенка“.

Муки жены, испытываемыя при родахъ, заставляютъ Левина волноваться, плакать и даже молиться.

„Господи, помилуй, прости, помоги!“—твердилъ онъ какъ-то вдругъ и неожиданно пришедшія ему на уста слова.

„И онъ, не вѣрующій, повторялъ эти слова не одними устами. Теперь, въ эту минуту, онъ зналъ, что всѣ не только сомнѣнія его, но та невозможность по разуму вѣрить, которую онъ зналъ въ себѣ, нисколько не мѣшаютъ ему обращаться къ Богу. Все это теперь, какъ прахъ, слетѣло съ его души. Къ кому же ему было обращаться, какъ не къ Тому, въ Чьихъ рукахъ онъ чувствовалъ себя, свою душу и свою любовь?“

Онъ чувствуетъ, что то, „что совершалось, было то же, что совершалось на одрѣ смерти брата. Но то было горе,—эта была радость. Но и то горе, и эта радость одинаково были внѣ всѣхъ обычныхъ условій жизни, были въ этой обычной жизни какъ будто отверстія, сквозь которыя показывалось что-то высшее. И одинаково тяжело, мучительно наступало совершающееся, и одинаково непостижимо, при созерцаніи этого высшаго, поднималась душа на такую высоту, которой она никогда и не понимала прежде и куда разсудокъ уже не поспѣвалъ за нею“.